

На горе Фэнмин росло множество деревьев, отчего ночами здесь и так бывало промозгло, а уж когда рядом находилась такая глыба льда, Чжу Яньинь и вовсе невольно вздрогнул. Ли Суй еще раз просмотрел схему разборки узла Тяньгун, запомнил расположение всех потайных механизмов, после чего небрежно скомкал чертеж:

— Можешь возвращаться.

Второй молодой господин Чжу вспорхнул со своего места со свистом ветра и бросился прочь быстрее собаки — по крайней мере, быстрее той самой собаки, что отравилась рыбой. Мелькнуло лишь облако белых одежд, и он в мгновение ока скрылся из виду.

Ли Суй:

— ...

Опустилась глубокая ночь, и вся гора Фэнмин погрузилась в тишину.

Постояльцев на постоялом дворе оказалось немного. Трактирный слуга, радуясь неожиданному отдыху, пораньше запер двери ставнями и теперь сладко дремал, растянувшись за стойкой.

В комнате слабо подрагивало пламя свечи, отбрасывая на стены причудливые, колышущиеся от ветра тени.

Ли Суй сидел с закрытыми глазами, восстанавливая дыхание. Мокрые ледяные пряди волос, подобные холодным змеям, облепили его плечи. Это причиняло дискомфорт: казалось, будто на грудь во сне давит невыносимая тяжесть, навевая бесконечные кошмары. Сердце глухо ныло, а дыхание давалось медленно и с трудом.

Раздался громкий стук — дверь с грохотом распахнулась.

Внутри ворвался порыв холодного ветра.

Ли Суй холодно открыл глаза, в глубине которых на мгновение вспыхнул и тут же угас темно-красный огонек.

Вбежавший Цзян Шэнлинь держал в руках испачканный кровью черный халат. Он встревоженно спросил:

— У тебя снова приступ яда?

Ли Суй ответил:

— Да.

Цзян Шэнлинь почувствовал, что этот упрямец рано или поздно сведет его в могилу. То-то он удивился, когда к приходу Второго молодого господина Чжу тот явился в полусыром халате, накинутом наспех. Какое там купание! Он явно пытался унять бушующий в теле ядовитый жар ледяной водой. С досадой опустившись на край кровати, целитель проворчал:

— Разве я тебе не говорил? Этот способ хорош раз или два, но нельзя же постоянно отсиживаться в ледяной воде, будто в купальне! Жизнь тебе совсем недорога?

Ли Суй лаконично отозвался:

— Дорога.

У Цзян Шэнлиня аж в груди сперло от злости:

— Если дорога, почему ты меня не слушаешь?

Ли Суй пропустил его слова мимо ушей. Зевнув, он босиком спустился с постели и налил себе чашку холодного чая.

Божественный целитель Цзян сердито прикрикнул:

— А ну поставь сейчас же!

Вскоре заспанный слуга поспешил на кухню и вскипятил для гостей огромный чайник воды, чтобы заварить имбирный чай с тростниковым сахаром.

Этот напиток согревал так сильно, что от прилива жара Владыка дворца Ли сделался раздражительным и беспокойным. Еще до рассвета он, сжимая в руке длинный меч, принялся мерить шагами постоянный двор с таким видом, словно вознамерился кого-то прирезать. От его леденящей ауры даже куры во дворе не смели пикнуть.

Понемногу рассветало.

В академии Чуйлю все шло своим чередом.

Двое слуг, как обычно, один за другим вошли в пустую комнату. Примерно через полчаса они так же друг за другом вышли наружу и поспешно удалились.

Ли Суй молниеносно скользнул внутрь. Он дважды постучал по углу стены и, следуя правилам разборки узла Тяньгун, быстро открыл потайной проход.

В темном подземном ходу царил полумрак, пахло слабым лекарственным отваром. Поначалу запах почти не ощущался, но чем дальше он продвигался, тем более едким и удушливым становился воздух. Даже затаив дыхание, Ли Суй чувствовал, как этот кислый, горький и зловещий аромат витает вокруг. Слегка нахмурившись, он уловил чутким слухом едва различимый скрежет — словно тащили тяжелый металл.

В центре подземного лабиринта была вырублена просторная пещера. Судя по всему, дальше вели вентиляционные шахты, поскольку сквозняк заставлял факелы на стенах неровно колебаться.

Посреди комнаты стоял огромный чан, доверху наполненный зловонной черной жижей. Седовласый мужчина сидел в нем с закрытыми глазами. Все его тело опутывали тяжелые цепи, натянутые струной и намертво прикрепленные к вбитым в стены костылям, лишая его малейшей возможности шевельнуться.

На первый взгляд это походило на жестокую пытку, принятую в цзянху, но при ближайшем рассмотрении становилось ясно, что это не так. Окружавшие чан слуги стояли с опущенными головами и выказывали величайшую почтительность — совсем не так ведут себя тюремщики с узником. Рядом с чаном тлела благовонная палочка, от которой струился тонкий сизый дымок. Стоило упасть последней крупине пепла, как один из слуг негромко предупредил:

— Хозяин, время вышло.

Мужчина открыл глаза. Трое слуг тут же шагнули вперед, освободили его от цепей и бережно помогли выбраться из чана.

Вода с плеском всколыхнулась. Воспользовавшись этим коротким мгновением, Ли Суй взмахнул ладонью, направляя поток воздуха. Струйка брызг мгновенно вытянулась в тонкую нить и беззвучно, словно летающий кинжал, пронеслась сквозь полумрак прямо в зажатый у него в руке фарфоровый флакон.

Это был легендарный прием цзянху под названием «Дракон, пьющий воду». Иной мастер мог тренировать его всю жизнь, но в итоге добивался лишь того, что вода в бочке начинала беспорядочно плескаться.

Ли Сую же понадобилось на его освоение от силы три шичэня.

Подобная одаренность казалась до крайности несправедливой, заставляя завистников скрежетать зубами.

Мужчина, едва переставляя ослабевшие ноги, при поддержке слуг перебрался на стоявшую неподалеку широкую постель. Он тяжело, как вол, переводил дух и вскоре забылся глубоким сном. Слуги принялись обтирать его тело и переодевать в чистые одежды. За все время никто не проронил ни слова — они общались исключительно взглядами, так что оставалось лишь догадываться, немые они или же бездушные марионетки.

* * *

Тем временем на постоялом дворе Цзян Шэнлинь не спеша обедал. На столе перед ним красовалось изобилие блюд из курицы, утки и рыбы, которые он ел не торопясь и чрезвычайно аккуратно.

Все лекари отличаются дотошностью и чистоплотностью.

Пренебрегают приличиями лишь грозные демоны цзянху.

Ли Суй толкнул дверь и вошел в комнату, небрежно бросив ему фарфоровый флакон. Цзян Шэнлинь едва успел поймать его:

— Что это за штука?

— В тайнике академии Чуйлю принимает ванну какой-то полуживой старик, — ответил Ли Суй.
— А это вода из его купели.

У Цзян Шэнлиня в тот же миг пропал всякий аппетит. «И надо же было выбрать такое время! Почему бы тебе не задержаться в подземелье подольше, чтобы я успел пообедать?» — подумал он с досадой.

Ли Суй спросил:

— Что там?

Цзян Шэнлинь откупорил флакон и принялся:

— Похоже на слюну змея-питона. Это сильнейший яд. И в этом он купается?

— Старик явно не из простых, — заметил Ли Суй. — Достань бумагу и тушь, надо нарисовать

его портрет. Вдруг кто-нибудь опознает.

Цзян Шэнлинь с надеждой спросил:

— Ты нарисуешь?

Ли Суй отрезал:

— Разумеется, ты.

Цзян Шэнлинь мысленно взвыл. С чего это «разумеется»? Он ведь лекарь, а не художник, и рисовать толком не умеет!

Ли Суй недовольно нахмурился:

— Когда мы были в Цзиньчэне, ты весьма искусно выписывал портрет Читяня. Разве нет?

Цзян Шэнлинь попытался воззвать к его разуму. В Цзиньчэне он рисовал Читяня лишь потому, что Альянс боевых искусств издал глупейший указ о награде за поимку демона, из-за чего толпы простолюдинов загорелись желанием отыскать злодея. Чтобы уберечь их от беды, портрет следовало сделать как можно менее похожим на оригинал — только так искатели приключений могли избежать прямой встречи с Читянем. А малевать нелепые каракули гораздо любой дурак! Но разве можно сравнивать то недоразумение с нынешним делом?

Ли Суй с глухим стуком опустил перед ним письменный прибор:

— Рисуй!

У Цзян Шэнлиня от досады едва печень не разболелась.

Ли Суй принялся вспоминать:

— На вид лет пятьдесят. Седой, сгорбленный и какой-то невзрачный.

Цзян Шэнлинь проворчал:

— Я думал, мне нужно изобразить только лицо. Как, по-твоему, я должен передать на бумаге сгорбленность и невзрачность?

Ли Суй следил за каждым его движением, то и дело придираясь:

— Сделай глаза побольше. И с носом что-то не то... Что за убожество ты тут малюешь?

Цзян Шэнлинь хранил молчание, мысленно твердя себе под нос: «Пусть другие злятся, я злиться не стану, пусть другие злятся, я злиться не стану...»

В итоге портрет так и не задался. Во-первых, Владыка дворца Ли описывал внешность из рук вон плохо, а во-вторых, художественные способности Божественного целителя Цзяня оставляли желать лучшего. Изобразить синемордого клыкастого беса он еще мог, но вот неприметный старик под его кистью все равно выходил похожим на свирепого демона.

Цзян Шэнлинь предложил:

— Может, поищем в городе настоящего художника?

Ли Суй нахмурился:

— А если это привлечет лишнее внимание?

— Проще простого, — не задумываясь, ответил Цзян Шэнлинь. — Как только он закончит работу, ты его убьешь, чтобы замести следы.

Ли Суй медленно перевел на него взгляд.

Цзян Шэнлинь поспешно отступил на шаг, спасая свою голову от неминуемого столкновения с тушечницей:

— Да шучу я, шучу! Зачем искать кого-то на стороне, когда в усадьбе Чжу есть отличный мастер? Живопись и поэзия Второго молодого господина Чжу славились на весь Цзяннань и даже за пределами государства Даюй. Стоило ли сомневаться, что он с легкостью набросает портрет какого-то старика?

Ли Суй согласно кивнул:

— Ступай к нему.

— И явиться к нему с пустыми руками? — напомнил Цзян Шэнлинь. — Прошлый раз, чтобы уговорить его помочь с узлом Тяньгун, мне пришлось расстаться с Ханьпо, которую я берег на самый крайний случай. Негоже просить о помощи без подарка. У тебя не завалялось чего-нибудь ценного?

Ли Суй открыл дверцу шкафа и небрежно бросил ему продолговатую шкатулку.

— Что это?

— Двенадцатизарядный самострел.

Стоило нажать на спусковой механизм, как это оружие выпускало один за другим двенадцать отравленных болтов, каждый из которых с легкостью пробивал толстую каменную плиту. В цзянху такое приспособление встречалось редко, но на полях сражений его использовали часто: оно косило врагов рядами, превращая поле боя в кровавое месиво и разбрызгивая ошметки плоти. Разумеется, при неосторожном обращении владелец рисковал сам превратиться в такое же кровавое месиво.

Цзян Шэнлинь не сдержал иронии:

— Прекрасный подарок! Как раз под стать изнеженному благородному господину из Цзяннани, который и мухи не обидит!

Ли Суй:

— ...

Цзян Шэнлинь швырнул самострел обратно:

— Ладно, забудь. Я сам обо всем позабочусь.

В это время во дворе усадьбы Чжу Чжу Яньинь тоже занимался живописью: рисовал пейзажи, птиц и распустившиеся летние цветы, коими изобиловал сад.

Войдя в ворота, Цзян Шэнлинь мысленно воскликнул: «Какое совпадение! Сама судьба благоволит нам, просто замечательно!»

* * *

Через полшичэня Второго молодого господина Чжу снова привезли на постоянный двор.

На столе уже приготовили кисти, тушь и бумагу. Взяв кисть, он спросил:

— Как выглядел этот человек?

Ли Суй повторил то же, что и прежде:

— Седовласый, лет пятидесяти, сгорбленный и невзрачный.

Чжу Яньинь сделал несколько быстрых набросков на бумаге:

— Похож?

Ли Суй кивнул:

— Да.

<http://bllate.org/book/18290/1754055>